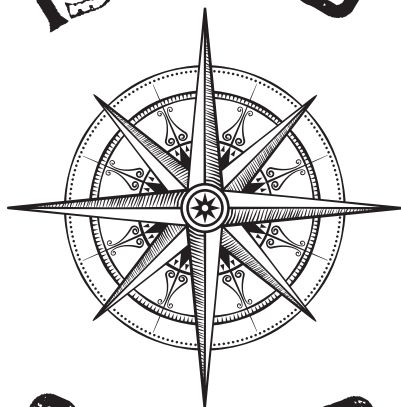

TREASURE ISLAND

ROBERT LOUIS
STEVENSON

РОБЕРТ ЛЬЮИС
СТИВЕНСОН

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КНИГА НА ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА С ПЕРЕВОДОМ

А Н Г Л И Й С К И Й

Р У С С К И Й

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С80

В настоящем издании используются фоторепродукции произведений искусства, находящиеся в общественном достоянии, а также иллюстрации, предоставленные по лицензии shutterstock.com.

Стивенсон, Роберт Льюис.

С80 Остров сокровищ = Treasure Island / Р. Л. Стивенсон; [перевод с английского Н. К. Чуковского]. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Bilingua подарочная: иллюстрированная книга на языке оригинала с переводом).

ISBN 978-5-17-185308-2

Захватывающая история мужества, переменчивых союзов и борьбы за жизнь, рассказанная от лица юного Джима Хокинса — сына владельца гостиницы, неожиданно втянутого в морские приключения с единственной целью: найти сокровища легендарного капитана Флинта.

Уже более века роман Роберта Льюиса Стивенсона остается эталоном приключенческой и пиратской литературы — именно благодаря ему в культуре закрепился современный образ «джентльмена удачи».

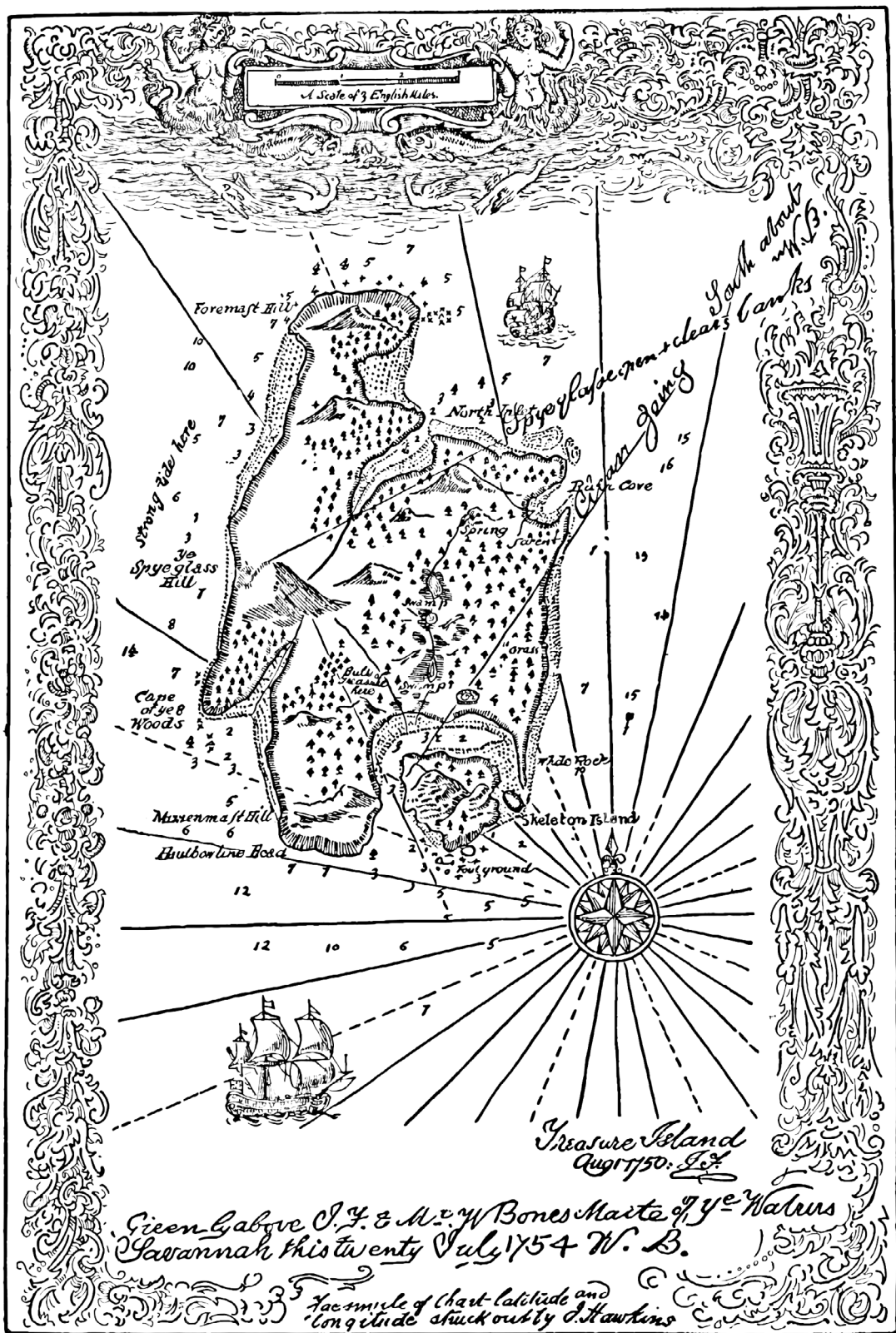
В настоящем издании английский текст романа приводится с классическим переводом Н. К. Чуковского, каноническим для русскоязычных читателей. Для удобства чтения каждая строка оригинала расположена напротив соответствующей строки перевода. Такое расположение позволит без труда сравнивать их друг с другом и отмечать наиболее точно переданные фрагменты.

Подарочное оформление, твердый переплет, классические иллюстрации Луиса Джона Рида и Эдмунда Дюлака, цветная лента ляссе добавляют книге изысканность и привлекательность. Ее можно приобрести не только для своей коллекции, но и в качестве подарка дорогим и близким людям.

**УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44**

ISBN 978-5-17-185308-2

© Чуковский Н.К., перевод, насл., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

PART ONE—
THE OLD BUCCANEER

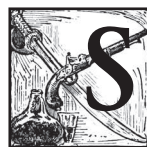
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
СТАРЫЙ ПИРАТ

I

THE OLD SEA-DOG AT THE "ADMIRAL BENBOW"

Squire Trelawney, Dr. Livesey, and the rest of these gentlemen having asked me to write down the whole particulars about Treasure Island, from the beginning to the end, keeping nothing back but the bearings of the island, and that only because there is still treasure not yet lifted, I take up my pen in the year of grace 17—, and go back to the time when my father kept the Admiral Benbow inn and the brown old seaman with the sabre cut first took up his lodging under our roof.

1

СТАРЫЙ МОРСКОЙ ВОЛК В ТРАКТИРЕ «АДМИРАЛ БЕНБОУ»

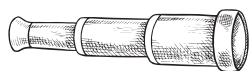
Сквайр¹ Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены попросили меня написать все, что я знаю об Острове Сокровищ. Им хочется, чтобы я рассказал всю историю, с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова. Указывать, где лежит этот остров, в настоящее время еще невозможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которых мы не вывезли. И вот в нынешнем, 17... году я берусь за перо и мысленно

¹ Дворянский титул в Англии.

I remember him as if it were yesterday, as he came plodding to the inn door, his sea-chest following behind him in a hand-barrow—a tall, strong, heavy, nut-brown man, his tarry pigtail falling over the shoulder of his soiled blue coat, his hands ragged and scarred, with black, broken nails, and the sabre cut across one cheek, a dirty, livid white. I remember him looking round the cove and whistling to himself as he did so, and then breaking out in that old sea-song that he sang so often afterwards:

"Fifteen men on the dead man's chest—

Yo-ho-ho, and a bottle of rum!"

in the high, old tottering voice that seemed to have been tuned and broken at the capstan bars. Then he rapped on the door with a bit of stick like a handspike that he carried, and when my father appeared, called roughly for a glass of rum. This, when it was brought to him, he drank slowly, like a connoisseur, lingering on the taste and still looking about him at the cliffs and up at our signboard.

возвращаюсь к тому времени, когда у моего отца был трактир «Адмирал Бенбоу»² и в этом трактире поселился старый загорелый моряк с сабельным шрамом на щеке.

Я помню, словно это было вчера, как, тяжело ступая, он дотащился до наших дверей, а его морской сундук везли за ним на тачке. Это был высокий, сильный, грузный мужчина с темным лицом. Просмоленная косичка торчала над воротом его засаженного синего кафтана. Руки у него были шершавые, в каких-то рубцах, ногти черные, поломанные, а сабельный шрам на щеке — грязновато-белого цвета, со свинцовым оттенком. Помню, как незнакомец, посвистывая, оглядел нашу бухту и вдруг загорланил старую матросскую песню, которую потом пел так часто:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Голос у него был стариковский, дребезжащий, визгливый, как скрипучая вымбовка³.

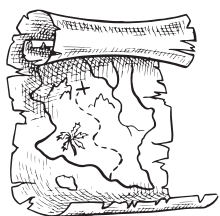
И палка у него была, как ганшпуг⁴. Он стукнул этой палкой в нашу дверь и, когда мой отец вы-

² Бенбоу — английский адмирал, живший в конце XVII века.

³ Рычаг шпиля (ворота, служащего для подъема якоря).

⁴ Рычаг для подъема тяжестей.

"This is a handy cove," says he at length; "and a pleasant sittiated grog-shop. Much company, mate?"

My father told him no, very little company, the more was the pity.

"Well, then," said he, "this is the berth for me. Here you, matey," he cried to the man who trundled the barrow; "bring up alongside and help up my chest. I'll stay here a bit," he continued. "I'm a plain man; rum and bacon and eggs is what I want, and that head up there for to watch ships off. What you mought call me? You mought call me captain. Oh, I see what you're at—there"; and he threw down three or four gold pieces on the threshold. "You can tell me when I've worked through that," says he, looking as fierce as a commander.

And indeed bad as his clothes were and coarsely as he spoke, he had none of the appearance of a man who sailed before the mast, but seemed like a mate or skipper accustomed to be obeyed or to strike. The man who

шел на порог, грубо потребовал стакан рому.

Ром был ему подан, и он с видом знатока принялся не спеша смаковать каждый глоток. Пил и поглядывал то на скалы, то на трактирную вывеску.

— Бухта удобная, — сказал он наконец. — Неплохое место для таверны. Много народу, приятель?

Отец ответил, что нет, к сожалению, очень немного.

— Ну что же! — сказал моряк. — Этот... как раз для меня... Эй, приятель! — крикнул он человеку, который катил за ним тачку. — Подъезжай-ка сюда и помоги мне втащить сундук... Я поживу здесь немного, — продолжал он. — Человек я простой. Ром, свиная грудинка и яичница — вот и все, что мне нужно. Да вон тот мыс, с которого видны корабли, проходящие по морю... Как меня называть? Ну что же, зовите меня капитаном... Эге, я вижу, чего вы хотите! Вот!

И он швырнул на порог три или четыре золотые монеты.

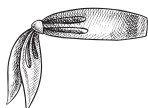
— Когда эти кончатся, можете прийти и сказать, — проговорил он сурово и взглянул на отца, как начальник.

И действительно, хотя одежда у него была плоховата, а речь отличалась грубостью, он не был похож на простого матроса. Скорее его можно было принять за штурмана или шкипера, который привык,

came with the barrow told us the mail had set him down the morning before at the Royal George, that he had inquired what inns there were along the coast, and hearing ours well spoken of, I suppose, and described as lonely, had chosen it from the others for his place of residence. And that was all we could learn of our guest.

He was a very silent man by custom. All day he hung round the cove or upon the cliffs with a brass telescope; all evening he sat in a corner of the parlour next the fire and drank rum and water very strong. Mostly he would not speak when spoken to, only look up sudden and fierce and blow through his nose like a fog-horn; and we and the people who came about our house soon learned to let him be. Every day when he came back from his stroll he would ask if any seafaring men had gone by along the road. At first we thought it was the want of company of his own kind that made him ask this question, but at last we began to see he was desirous to avoid them. When a seaman did put up at the Admiral Benbow (as now and then some did, making by the coast road for Bristol) he would look in at him through the curtained door before he entered the parlour; and he was always sure to be

чтобы ему подчинялись. Чувствовалось, что он любит давать волю своему кулаку. Человек с тачкой рассказал нам, что незнакомец прибыл вчера утром на почтовых в «Гостиницу короля Георга» и расспрашивал там обо всех постоянных дворах, расположенных поблизости моря. Услышав о нашем трактире, должно быть, хорошие отзывы и узнав, что он стоит на отлете, капитан решил поселиться у нас. Вот и все, что удалось нам узнать о своем постояльце.

Человек он был молчаливый. Целыми днями бродил по берегу бухты или взбирался на скалы с медной подзорной трубой. По вечерам он сидел в общей комнате в самом углу, у огня, и пил ром, слегка разбавляя его водой. Он не отвечал, если с ним заговаривали. Только окинет свирепым взглядом и засвистит носом, как корабельная сирена в тумане. Вскоре мы и наши посетители научились оставлять его в покое. Каждый день, вернувшись с прогулки, он спрашивался, не проходили ли по нашей дороге какие-нибудь моряки. Сначала мы думали, что ему не хватало компании таких же забуддыг, как он сам. Но под конец мы стали понимать, что он желает быть подальше от них. Если какой-нибудь моряк, пробираясь по прибрежной дороге в Бристоль, останавливался в «Адмирале Бенбоу», капитан сначала

as silent as a mouse when any such was present. For me, at least, there was no secret about the matter, for I was, in a way, a sharer in his alarms. He had taken me aside one day and promised me a silver fourpenny on the first of every month if I would only keep my "weather-eye open for a seafaring man with one leg" and let him know the moment he appeared. Often enough when the first of the month came round and I applied to him for my wage, he would only blow through his nose at me and stare me down, but before the week was out he was sure to think better of it, bring me my four-penny piece, and repeat his orders to look out for "the seafaring man with one leg."

How that personage haunted my dreams, I need scarcely tell you. On stormy nights, when the wind shook the four corners of the house and the surf roared along the cove and up the cliffs, I would see him in a thousand forms, and with a thousand diabolical expressions. Now the leg would be cut off at the knee, now at the hip; now he was a monstrous kind of a creature who had never had but the one leg, and that in the middle of his body. To see him leap and run and pursue me over hedge and ditch was the worst of nightmares. And altogether I paid pretty dear for my monthly fourpenny

разглядывал его из-за дверной занавески и только после этого выходил в гостиную. В присутствии подобных людей он всегда сидел тихо, как мышь.

Я-то знал, в чем тут дело, потому что капитан поделился со мной своей тревогой. Однажды он отвел меня в сторону и пообещал платить мне первого числа каждого месяца по четыре пенса серебром, если я буду «в оба глаза смотреть, не появится ли где моряк на одной ноге», и сообщу ему сразу же, как только увижу такого. Когда наступало первое число и я обращался к нему за обещанным жалованьем, он только трубил носом и свирепо глядел на меня. Но не проходило и недели, как, подумав, он приносил мне монетку и повторял приказание не пропустить «моряка на одной ноге».

Этот одноногий моряк преследовал меня даже во сне.

Бурными ночами, когда ветер сотрясал все четыре угла нашего дома, а прибой ревел в бухте и в утесах, он снился мне на тысячу ладов, в виде тысячи разных дьяволов. Нога была отрезана у него то по колено, то по самое бедро. Порою он казался мне каким-то страшным чудовищем, у которого одна-единственная нога растет из самой середины тела. Он гонялся за мной на этой одной ноге, перепрыгивая через плетни и канавы. Недешево доставались мне мои четыре пенса каждый месяц: я рас-

piece, in the shape of these abominable fancies.

But though I was so terrified by the idea of the seafaring man with one leg, I was far less afraid of the captain himself than anybody else who knew him. There were nights when he took a deal more rum and water than his head would carry; and then he would sometimes sit and sing his wicked, old, wild sea-songs, minding nobody; but sometimes he would call for glasses round and force all the trembling company to listen to his stories or bear a chorus to his singing. Often I have heard the house shaking with “Yo-ho-ho, and a bottle of rum,” all the neighbours joining in for dear life, with the fear of death upon them, and each singing louder than the other to avoid remark. For in these fits he was the most overriding companion ever known; he would slap his hand on the table for silence all round; he would fly up in a passion of anger at a question, or sometimes because none was put, and so he judged the company was not following his story. Nor would he allow anyone to leave the inn till he had drunk himself sleepy and reeled off to bed.

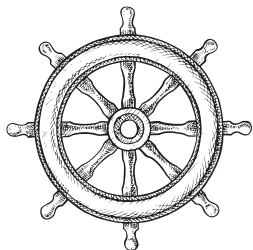
плачивался за них этими отвратительными снами.

Но как ни страшен был для меня одноногий моряк, самого капитана я боялся гораздо меньше, чем все остальные. В иные вечера он выпивал столько рому с водой, что голова у него шла ходуном, и тогда он долго оставался в трактире и распевал свои старинные, дикие, жестокие морские песни, не обращая внимания ни на кого из присутствующих. А случалось и так, что он приглашал всех к своему столу и требовал стаканы. Приглашенные дрожали от испуга, а он заставлял их либо слушать его рассказы о морских приключениях, либо подпевать ему хором. Стены нашего дома содрогались тогда от «Йо-хо-хо, и бутылка рому», так как все посетители, боясь его неистового гнева, старались перекричать один другого и петь как можно громче, лишь бы капитан остался ими доволен, потому что в такие часы он был необузданно грозен: то стучал кулаком по столу, требуя, чтобы все замолчали; то приходил в ярость, если кто-нибудь перебивал его речь, задавал ему какой-нибудь вопрос; то, наоборот, свирепел, если к нему обращались с вопросами, так как, по его мнению, это доказывало, что слушают его невнимательно. Он никого не выпускал из трактира — компания могла разойтись лишь тогда, когда им овладевала дремота от выпитого

His stories were what frightened people worst of all. Dreadful stories they were—about hanging, and walking the plank, and storms at sea, and the Dry Tortugas, and wild deeds and places on the Spanish Main. By his own account he must have lived his life among some of the wickedest men that God ever allowed upon the sea, and the language in which he told these stories shocked our plain country people almost as much as the crimes that he described. My father was always saying the inn would be ruined, for people would soon cease coming there to be tyrannized over and put down, and sent shivering to their beds; but I really believe his presence did us good. People were frightened at the time, but on looking back they rather liked it; it was a fine excitement in a quiet country life, and there was even a party of the younger men who pretended to admire him, calling him a “true sea-dog” and a “real old salt” and such like names, and saying there was the sort of man that made England terrible at sea.

вина и он, шатаясь, ковылял к своей постели.

Но страшнее всего были его рассказы. Ужасные рассказы о виселицах, о хождении по доске⁵, о штормах и о Драй Тортугас⁶, о разбойничьих гнездах и разбойничьих подвигах в Испанском море⁷.

Судя по его рассказам, он провел всю свою жизнь среди самых отъявленных злодеев, какие только бывали на море. А брань, которая вылетала из его рта после каждого слова, пугала наших простодушных деревенских людей не меньше, чем преступления, о которых он говорил.

Отец постоянно твердил, что нам придется закрыть наш трактир: капитан отведит от нас всех посетителей. Кому охота подвергаться таким издевательствам и дрожать от ужаса по дороге домой! Однако я думаю, что капитан, напротив, приносил нам скорее выгоду. Правда, посетители боялись его, но через день их снова тянуло к нему. В тихую, захолустную жизнь он внес какую-то приятную тревогу. Среди молодежи нашлись даже поклонники капитана, заявлявшие, что они восхищаются им. «Настоя-

⁵ Хождение по доске — вид казни; осужденного заставляли идти по неприбитой доске, один конец которой выдавался в море.

⁶ Острова около Флориды.

⁷ Испанское море — старое название юго-восточной части Карибского моря.

In one way, indeed, he bade fair to ruin us, for he kept on staying week after week, and at last month after month, so that all the money had been long exhausted, and still my father never plucked up the heart to insist on having more. If ever he mentioned it, the captain blew through his nose so loudly that you might say he roared, and stared my poor father out of the room. I have seen him wringing his hands after such a rebuff, and I am sure the annoyance and the terror he lived in must have greatly hastened his early and unhappy death.

All the time he lived with us the captain made no change whatever in his dress but to buy some stockings from a hawker. One of the cocks of his hat having fallen down, he let it hang from that day forth, though it was a great annoyance when it blew. I remember the appearance of his coat, which he patched himself upstairs in his room, and which, before the end, was nothing but patches. He never wrote or received a letter, and he never spoke with any but the neighbours, and with these, for the most

щий морской волк, насквозь просоленный морем!» — восклицали они.

По их словам, именно такие люди, как наш капитан, сделали Англию грозой морей.

Но, с другой стороны, этот человек действительно приносил нам убытки. Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем; деньги, которые он дал нам при своем появлении, давно уже были истрачены, а новых денег он не платил, и у отца не хватало духу потребовать их. Стоило отцу заикнуться о плате, как капитан с яростью принимался сопеть; это было даже не сопенье, а рычание; он так смотрел на отца, что тот в ужасе вылетал из комнаты. Я видел, как после подобных попыток он в отчаянье ломал себе руки. Для меня нет сомнения, что эти страхи значительно ускорили горестную и преждевременную кончину отца.

За все время своего пребывания у нас капитан ходил в одной и той же одежде, только приобрел у разносчика несколько пар чулок. Один край его шляпы обвис; капитан так и оставил его, хотя при сильном ветре это было большим неудобством. Я хорошо помню, какой у него был драный кафтан; сколько он ни чинил его наверху, в своей комнате, в конце концов кафтан превратился в лохмотья.

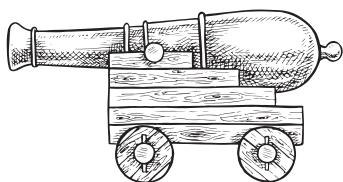
Никаких писем он никогда не писал и не получал ниоткуда. И никогда ни с кем не разговаривал,

part, only when drunk on rum. The great sea-chest none of us had ever seen open.

He was only once crossed, and that was towards the end, when my poor father was far gone in a decline that took him off. Dr. Livesey came late one afternoon to see the patient, took a bit of dinner from my mother, and went into the parlour to smoke a pipe until his horse should come down from the hamlet, for we had no stabling at the old Benbow. I followed him in, and I remember observing the contrast the neat, bright doctor, with his powder as white as snow and his bright, black eyes and pleasant manners, made with the coltish country folk, and above all, with that filthy, heavy, bleared scarecrow of a pirate of ours, sitting, far gone in rum, with his arms on the table. Suddenly he—the captain, that is—began to pipe up his eternal song:

"Fifteen men on the dead man's chest—

Yo-ho-ho, and a bottle of rum!

Drink and the devil had done for the rest—

Yo-ho-ho, and a bottle of rum!"

разве только если был очень пьян. И никто из нас никогда не видел, чтобы он открывал свой сундук.

Только один-единственный раз капитану посмели перечить, и то произошло это в самые последние дни, когда мой несчастный отец был при смерти.

Как-то вечером к больному пришел доктор Ливси. Он осмотрел пациента, наскоро съел обед, которым угостила его моя мать, и спустился в общую комнату выкурить трубку, ожидая, когда приведут ему лошадь. Лошадь осталась в деревушке, так как в старом «Бенбоу» не было конюшни.

В общую комнату ввел его я и помню, как этот изящный, щегольски одетый доктор в белоснежном парике, черноглазый, прекрасно воспитанный, поразил меня своим несходством с деревенскими увальнями, посещавшими наш трактир. Особенно резко отличался он от нашего вороньего пугала, грязного, мрачного, грузного пирата, который надрызгался рому и сидел, навалившись локтями на стол.

Вдруг капитан заревел свою вечную песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

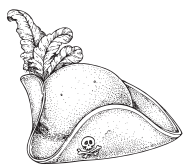
Пей, и дьявол тебя доведет до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

At first I had supposed "the dead man's chest" to be that identical big box of his upstairs in the front room, and the thought had been mingled in my nightmares with that of the one-legged seafaring man. But by this time we had all long ceased to pay any particular notice to the song; it was new, that night, to nobody but Dr. Livesey, and on him I observed it did not produce an agreeable effect, for he looked up for a moment quite angrily before he went on with his talk to old Taylor, the gardener, on a new cure for the rheumatics. In the meantime, the captain gradually brightened up at his own music, and at last flapped his hand upon the table before him in a way we all knew to mean silence. The voices stopped at once, all but Dr. Livesey's; he went on as before speaking clear and kind and drawing briskly at his pipe between every word or two. The captain glared at him for a while, flapped his hand again, glared still harder, and at last broke out with a villainous, low oath, "Silence, there, between decks!"

"Were you addressing me, sir?" says the doctor; and when the ruffian had told him, with another oath, that this was so, "I have only one thing to

Первое время я думал, что «сундук мертвеца» — это тот самый сундук, который стоит наверху, в комнате капитана.

В моих страшных снах этот сундук нередко возникал передо мною вместе с одноногим моряком. Но мало-помалу мы так привыкли к этой песне, что перестали обращать на нее внимание. В этот вечер она была новостью только для доктора Ливси и, как я заметил, не произвела на него приятного впечатления. Он сердито поглядел на капитана, перед тем как возобновить разговор со старым садовником Тейлором о новом способе лечения ревматизма. А между тем капитан, разгоряченный своим собственным пением, ударил кулаком по столу. Это означало, что он требует тишины.

Все голоса смолкли разом; один только доктор Ливси продолжал свою добродушную и громкую речь, попыхивая трубкой после каждого слова. Капитан пронзительно взглянул на него, потом снова ударил кулаком по столу, потом взглянул еще более пронзительно и вдруг заорал, сопровождая свои слова непристойною бранью:

— Эй, там, на палубе, молчать!

— Вы ко мне обращаетесь, сэр? — спросил доктор.

Тот сказал, что именно к нему, и притом выругался снова.

